

В. В. Ковалев¹

докт. экон. наук, профессор, зав. кафедрой статистики, учета и аудита Санкт-Петербургского государственного университета

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ АНАЛИЗА В РОССИИ, ИЛИ ЧТО ТАКОЕ «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ»?

Введение

Любое неспонтанно принимаемое управленческое решение нуждается хотя бы в самом минимальном его обосновании, причем, как правило, в довольно широком аспекте, т. е. с позиции целесообразности, нужности, своевременности, эффективности, значимости и др. Такое обоснование обычно формируется в результате некоторых аналитических действий. Поначалу анализ имел в основном качественную природу, смысл которой сводился к выстраиванию некоторой цепочки аргументов, оправдывающих и объясняющих необходимость принимаемого решения. Однако по мере развития науки и практики дескриптивность аргументации стала казаться недостаточной, не вполне убедительной, а потому к формированию доказательной базы стали привлекать методы количественной оценки факторов и последствий, имеющих отношение к рассматриваемому решению. С позиции практики данный процесс имел особую значимость в контексте управления деятельностью хозяйствующих субъектов, причем со временем практика стала подкрепляться определенными теоретическими и методическими наработками. И здесь можно видеть любопытную картину: несмотря на кажущуюся очевидность в интерпретации и исполнении аналитических действий, анализ как научно-практическое направление на Западе и в России (СССР) получил совершенно разную трактовку². В той или иной степени это расхождение, которое начало складываться в СССР по мере становления централизованно планируемой экономики, проявляется до сих пор, несмотря на то, что российская экономика за последние 20 лет уже претерпела серьезные изменения. Обсуждению сути упомянутых расхождений, оценке их причин и последствий, а также обоснованию путей их преодоления и посвя-

¹ Эл. адрес: vk48@list.ru

² Книгами российских (советских) авторов по экономическому анализу заполнены полки книжных магазинов, с 2002 г. выпускается специализированный научно-практический журнал «Экономический анализ: теория и практика». Вместе с тем ученым известны и классические, ставшие фундаментальными и многократно переиздававшиеся работы по экономическому анализу Й. Шумпетера, П. Самуэльсона, И. Рима. Несложно убедиться в том, что различие в трактовках экономического анализа носит катастрофический характер. Предлагаем читателю самостоятельно сравнить, например, работы (Самуэльсон, 2002; Шеремет, 2002).

щена настоящая статья; позиция автора по обсуждаемой проблеме представлена также в работах: (Ковалев, 2003; Ковалев В., Ковалев Вит., 2012)¹.

Международный контекст

В экономической теории, равно как и в учетно-аналитической и финансовой областях науки и практики в последние десятилетия безусловно доминируют идеи представителей англо-американской школы. В рамках этой школы анализ как самостоятельное направление в системе наук не идентифицируется, но само понятие активно применяется, в основном, в трех вариантах: а) как синоним понятий «исследование», «подробное рассмотрение», «изучение», «познание» (обобщенное название — экономический анализ); б) как обозначение ключевого элемента технологии принятия управленческих решений (финансовый анализ, инвестиционный анализ, анализ финансовой отчетности и др.); в) как инструментальный метод (анализ спектральный, ковариационный, гармонический и др.). Безусловно, в самом общем смысле вариант (а) является базовым; тем или иным образом он воплощается и в двух других вариантах.

Анализ как метод познания. В самом общем смысле под *экономическим анализом* можно понимать исследование в экономике, трактуемой, например, как совокупность отношений, возникающих в процессе производства, обмена, распределения и потребления благ. Известный австрийский экономист Й. Шумпетер (Joseph Schumpeter, 1883—1950), не давая формального определения экономического анализа, обозначил этим термином владение техникой анализа (исследования, изучения) в четырех областях: истории, статистике, «теории» и экономической социологии. По его мнению, результаты и выводы в ходе любого экономического исследования должны формироваться с обязательным совместным использованием техники исторического, статистического, теоретического и социологического анализов (Шумпетер, 2001, т. 1, с. 14—25). Первый аспект означает, что любое явление должно рассматриваться в процессе его становления и развития: «Никто не сможет понять экономические явления... без должного владения историческими фактами, надлежащего исторического чутья и того, что может быть названо историческим опытом». Второй аспект указывает на то, что выводы и рекомендации должны подкрепляться количественными фактами и расчетами, при этом статистика (т. е. информационное сырье) нужна «не только для объяснения фактов, но и для того, чтобы точно установить, что же подлежит объяснению». Вместе с тем Шумпетер справедливо отмечал, что «овладение современными методами статистического анализа — необходимое, хотя и недостаточное условие корректного экономического исследования». Третий аспект означает, что при проведении анализа не-

¹ Тема статьи не сводится лишь к терминологическим разногласиям и неопределенностям, хотя и этот аспект играет исключительно важную роль в развитии научного знания. Подробнее см.: (Ковалев, 2012; Ковалев В., Ковалев Вит., 2011). Заметим все же, что оперирование всевозможными штампами и категориями с самостоятельным содержательным наполнением, равно как и некритическое отношение к устоявшимся положениям, трактовка которых представляется традиционно сложившейся и общепринятой, может приводить к серьезным последствиям независимо от причин, намерений, умысла. Весьма показательный пример приводит К. Мондэй. Неудачный перевод на английский язык высказывания Е. Ф. Канкрин (слова Канкрин о том, что он «не является физиократом в финансовых делах») были переведены как «автор не является экономистом, искусственным в финансовых делах» с последующим его многократным трафаретным цитированием привел к тому, что долгие годы в зарубежной «русистике» Канкрин, руководивший российскими финансами в период с 1823 г. по 1844 г., рассматривался западными учеными как реакционер и архиконсерватор. Это полностью противоречило оценке значимости и роли Канкрин, которую давали ему в России; более того, И. И. Кауфман вообще считал его «выдающимся министром финансов», лучшим в Европе того времени (Мондэй, 2010, с. 77—81, 108).

обходимо голые факты подкреплять обобщающими гипотезами, которые, с одной стороны, подсказываются фактами, а с другой — объясняют их. Не случайно Шумпетер отмечал, что хотя история экономической мысли начинается с письменных источников теократических государств Древнего мира, история экономического анализа начинается только с древних греков, когда появились первые теоретические обобщения в работах Платона и Аристотеля (Шумпетер, 2001, т. 1, с. 63). Согласно четвертому аспекту любой анализ в экономике должен строиться с учетом человеческого фактора. В объяснение этого тезиса Шумпетер привел высказывание Г. Кольма о том, что «экономический анализ исследует устойчивое поведение людей и его экономические последствия» (цит. по: Шумпетер, 2001, т. 1, с. 24). Данное определение Шумпетера считал весьма удачным. А потому понятие «анализ» в трактовке Шумпетера в известном смысле можно понимать как аналог понятия «метод познания», эволюцию которого в приложении к экономике он представил в своем капитальном сочинении «История экономического анализа».

В рамках общей экономической теории принято выделять макро- и микроэкономику. Макроэкономика занимается исследованием функционирования национальных экономических систем на основе формирующихся макропропорций (объекты изучения: общий уровень цен, занятость, национальный продукт, государственный бюджет, рынки продуктов, труда и капитала и др.). Микроэкономика исследует поведение отдельных экономических закономерностей и (или) субъектов (объекты изучения: цена отдельного ресурса, издержки, механизм функционирования фирмы, полезность, конкурентность, мотивация труда, действия потребителя и др.). Совокупности аналитических процедур в системе макро- или микроэкономики называются соответственно *макроэкономическим* и *микроэкономическим анализами*, а одно из самых известных в научном мире описаний соответствующего инструментария представлено в фундаментальной монографии П. Самуэльсона (Paul Samuelson, 1915—2009) «Основания экономического анализа» (любопытно отметить, что первоначальная версия данной книги имела подзаголовок «Операциональное значение экономической теории»). Таким образом, без особого преувеличения можно утверждать, что в современной зарубежной экономической литературе понятие «экономический анализ» используется, в основном, как обобщенная характеристика совокупности аналитических действий, оценок, выводов и теоретических обобщений в отношении развития экономики в целом и ее ключевых элементов и категорий, а соответствующий инструментальный аппарат разрабатывается и применяется для построения и исследования моделей, описывающих такие категории, как потребление, спрос, полезность, деньги, капитал, инфляция и др.

Анализ как ключевой элемент технологии принятия управленческих решений. В этом случае можно говорить о некоторых вариантах объединения аналитических действий (включая расчеты, оценки, построение моделей и др.), имеющих определенную целевую направленность, суть которой в объяснении сложившейся ситуации в конкретной области экономики или в приложении к деятельности некоторого экономического субъекта и последующем обосновании и (или) оптимизации некоторого управленческого решения того или иного характера (организационно-правового, инвестиционного, финансового и др.). Примерами подобных действий могут служить анализ инвестиционной привлекательности региона, анализ инвестиционной деятельности фирмы, анализ финансовой отчетности экономического субъекта, маркетинговый анализ и др. Ввиду исключительной разнородности субъектов (страна, регион, экономика в целом, отдельная сфера экономики, отрасль, предприятие и др.), в отношении которых могут выполняться аналитические действия, здесь нередко имеет место очевид-

ная неопределенность, размытость в трактовке анализа и его сущностном наполнении. Поэтому термин «анализ» нередко дополняется различными уточняющими характеристиками, которые, впрочем, не всегда приводят к определенности. В частности, весьма многозначным является понятие «финансовый анализ». В экономически развитых странах распространены три основные трактовки содержательной части финансового анализа и функций финансового аналитика (см., например, (Bowlin, Martin, Scott, 1990; Harrington, Wilson, 1989)). Так, американские авторы О. Боулин, Дж. Мартин и Д. Скотт рассматривают финансовый анализ в контексте деятельности фирмы, т. е. суть первого подхода состоит в понимании анализа как составной части работы финансового менеджера как специалиста, ответственного в фирме за тот или иной сегмент системы управления ее финансовыми потоками. Второй подход в большей степени ориентирован на специалистов, выполняющих аналитические процедуры с финансовыми индикаторами, но ограниченных в своих информационных возможностях. В частности, одно из наиболее общих определений в рамках этого подхода можно видеть в работе британского ученого Б. Риса, который под финансовым аналитиком понимает «любого пользователя финансовой информации, желающего воспользоваться этой информацией в процессе принятия экономических решений и не имеющего доступа к внутренним источникам информации данной фирмы» (Rees, 1990, p. 3). Третий подход пропагандируется специалистами по финансовым рынкам, которые ограничивают сферу действия финансового анализа рынками капитала и полагают, что «финансовый анализ включает в себя определение уровней риска и ожидаемой доходности как отдельных финансовых активов, так и их групп» (Шарп, Александер, Бэйли, 1997, с. 790). Эти же авторы приводят и более конкретное, по их мнению, определение финансового анализа как «деятельности по подготовке данных, необходимых для управления портфелем ценных бумаг», т. е. они полагают, что понятия «финансовый аналитик», «аналитик по ценным бумагам», «инвестиционный аналитик» можно рассматривать как синонимичные, а смысл каждого из них в том, что соответствующий специалист «анализирует ценные бумаги и дает в их отношении рекомендации». По сути, второй и третий подходы весьма близки, поскольку специалист по рынкам ценных бумаг по роду своей работы постоянно сталкивается с необходимостью чтения отчетности листинговых компаний, т. е. подпадает под определение Б. Риса; вместе с тем, определение британского ученого имеет более широкую трактовку и может быть распространено на любых лиц, имеющих интерес к данной фирме, но ограниченных в своих информационных запросах рамками публичной отчетности.

Анализ как инструментальный метод. Анализ может пониматься не только как последовательность определенных, иногда разнородных и лишь объединенных одной целью действий, но и как специальный детально алгоритмизированный метод, потенциально применимый в различных сферах науки и практики. Проникновение математики в экономику резко активизировалось по мере становления рынков капитала. Наличие огромных объемов пространственно-временной информации и стохастическая природа данных предоставили прекрасную возможность поупражняться в применении тонкого математического инструментария. Во второй половине XX в. в литературе были описаны методики исследования в экономике с применением специальных методов изучения рядов динамики и пространственно-временных совокупностей, включая спектральный, ковариационный, гармонический, дисперсионный и факторный анализы. Определенный всплеск в применении упомянутых методов, пришедший на шестидесятые-восьмидесятые годы, постепенно угас. Тем не менее потенциальная возможность в применении этих методов, естественно, остается.

Российский контекст

В дореволюционной России, как впрочем и во всем мире, анализ в самостоятельное научно-практическое направление не обособлялся. Безусловно, по мере совершенствования практики накопления данных аналитические расчеты той или иной степени сложности выполнялись, но никакой научной или методической базы под эти действия не подводилось. Не было и специальной литературы соответствующей направленности. Ситуация изменилась в начале XX в. В это время в бизнес-практике ряда стран начали формироваться два аналитических блока знаний и навыков. Первый активно разрабатывался американскими специалистами и был связан с построением методик анализа деятельности крупных фирм, имеющих непосредственное отношение к рынкам капитала и выступающих на них в качестве либо инвесторов (вложение свободных денежных средств), либо заемщиков средств (привлечение источников финансирования). Составным элементом данного блока аналитических процедур были методики оценки финансового состояния фирм прежде всего с позиции их собственников как сторонних лиц, не имеющих доступа к внутрифирменной информационной базе. Второй аналитический блок, представленный разработками немецких ученых и практиков, был ориентирован на менеджеров фирм, имеющих доступ ко всем массивам информации, накопленной в фирме, и имел целью идентификацию, оценку и управление факторами повышения эффективности работы фирмы за счет, в основном, оптимизации ее расходов.

Несложно понять, что если вести речь об анализе как определенной системе знаний и навыков, то непременным условием разработки этой системы является наличие некоторой базы данных, носящей неспонтанный характер. Иными словами, должно наличествовать некое информационное ядро с более или менее понятной организацией и схемой функционирования. Отсюда и следует очевидный вывод о том, что на уровне хозяйствующих субъектов в построении методик анализа в обоих случаях решающая роль принадлежит бухгалтерской информационной базе как достаточно достоверному, полному и регулярно пополняемому источнику данных, ведущемуся по некоторым общеизвестным алгоритмам. Различие заключается лишь в отношении к вопросу о том, все бухгалтерские данные или какая-то их часть могут рассматриваться как основа методик анализа. Независимо от того, как этот вопрос решается, существует информационный ресурс — бухгалтерская (финансовая) отчетность, который находит применение в рамках и американского, и немецкого подходов. Поскольку сущностным ядром (публичной) финансовой отчетности является баланс (в принципе, отчетность можно трактовать как баланс с прилагаемыми к нему аналитическими расшифровками, представляемыми, в частности, в виде специальных аналитических таблиц), именно на нем и сосредоточивается внимание методологов анализа. Несложно сформулировать и ключевой тезис каждого из упомянутых подходов:

- баланс — это системообразующее ядро информационной базы о предприятии, в наиболее акцентированной форме выражающее результативность управления им, а потому он должен находиться в центре внимания управленцев (это суть немецкого подхода);
- баланс — это основной и наиболее достоверный источник информации о фирме, т. е. безусловно востребованное и наиболее желаемое средство коммуникации, а потому он должен находиться в центре внимания фактических и потенциальных инвесторов (это суть американского подхода).

Немецкими учеными аналитическое направление развивалось в рамках так называемого «учения о предприятии» (*wirtschaftliche betriebslehre*), одним из ос-

новоположников которого был ректор Берлинской высшей коммерческой школы проф. Г. Никлиш (Heinrich Nicklisch, 1876—1946). В этом учении акцент делался на эффективность управления ресурсами предприятия. Поскольку главная цель любого частного хозяйства — генерирование прибыли, которая, как известно, есть разница между корреспондирующими доходами и расходами периода, причем в этой простейшей модели именно расходы являются наиболее управляемым компонентом, — основным объектом управления стала себестоимость продукции. Естественно, и анализ смещался в сторону выявления факторов обоснованного снижения себестоимости по данным внутрифирменного учета. Тем не менее, анализ баланса немецкими учеными вовсе не отрицался и не игнорировался. Более того, Никлиш и стал известен российским ученым прежде всего своей статьёй об анализе баланса как элементе системы управления предприятием (см. (Никлиш, 1924)). Впоследствии наработки немецких ученых в области анализа обособились в самостоятельное направление, известное как балансоведение¹ (см.: (Бетге, 2000; Обербринкман, 2003)). Что касается американского подхода к анализу, то его обобщением стал так называемый коэффициентный анализ (ratio analysis), широко известный по настоящее время и являющийся основой учебно-методической литературы по анализу финансовой отчетности (см. например: (White, Sondhi, Fried, 1994; Бернстайн, 1996)). В известном смысле можно считать, что инициаторами этого аналитического направления были американские банкиры, которые уже с 70-х годов XIX в. начали требовать от своих клиентов, обращавшихся за кредитами, предоставления финансовой отчетности. Если поначалу эта практика носила индивидуализированный и спорадический характер, то уже в 1890-е гг. она стала обычной для большинства банков и вскоре привела к идее публичности отчетности (в смысле ее доступности всем заинтересованным лицам) и появлению различных методик по ее чтению и анализу (Foulke, p. 13—19). Именно конец XIX в. рассматривается учеными как отправная точка в становлении систематизированного анализа финансовой отчетности, который в дальнейшем получит широкое распространение (подробнее см.: (Ковалев В., Ковалев Вит., 2012 с. 469—482)).

В России наработки западных ученых, имеющие аналитическую направленность, стали известны в начале XX в. Справедливости ради отметим, что переводные работы западных специалистов, имеющие хотя бы и косвенное отношение к анализу, публиковались в России и ранее — это были, в основном, практические руководства в области бухгалтерского учета (см.: (Ключ коммерции, 1783; Наставление, 1788; Почтенный купец, 1790)). Конечно, ни о каких методиках анализа речи в них не велось, это были руководства по практике ведения учета методом двойной записи. Тем не менее о связи с анализом говорить можно по крайней мере в двух аспектах. Во-первых, появление руководств знаменовало собой начало распространения в стране новой системы учета, подразумевающей систематизированное накопление данных в рамках предприятия, которые потенциально можно было подвергать некоторому аналитическому осмыслению. Иными словами, начала зародиться практика формирования информационных баз. Во-вторых, в отдельных работах (см.: (Наставление, 1788)) приводились форматы Инвентарюма (прообраз инвентарного баланса) как отчета, завершающего учетный цикл, данные которого безусловно несли огромный аналитический потенциал.

¹ Балансоведение представляет собой науку о балансе как квинтэссенции информационно-финансовой модели хозяйствующего субъекта. В рамках этого научно-практического направления изучаются два основных блока проблем: 1) логика и принципы построения финансовой отчетности в целом и ее информационного ядра — баланса; 2) логика, принципы и процедуры экономического чтения и анализа финансовой отчетности как элементов процесса принятия решений финансового характера в отношении хозяйствующего субъекта.

Распространение в стране двойной бухгалтерии постепенно нарастало, хотя и небystрыми темпами. Идея публичности отчетности еще не сформировалась¹, а об Инвентариуме мыслили в основном как о документе, который можно было использовать в судебных заседаниях при вынесении суждения о состоятельности должника. Однако был и еще один фактор, стимулировавший реализацию идеи о возможности использования бухгалтерских данных в аналитических целях, — таким фактором было становление акционерной собственности и фондовых бирж. К сожалению, Россия и в этом направлении не была в числе лидеров; если на Западе биржевая торговля зародилась в первой трети XVI в., то в России первая регулярная биржа появилась в Санкт-Петербурге в 1703 г. по инициативе Петра I. В дальнейшем биржевое дело развивалось не слишком быстрыми темпами, в том числе и в отношении финансовых активов и инструментов — так, Фондовый отдел в Санкт-Петербургской бирже был создан лишь в 1900 г.² Вместе с тем понимание значимости регулярно формируемой, систематизированной и публично доступной бухгалтерской отчетности хорошо осознавалось российскими учеными. Так, петербургским ученым З. П. Евзлиным (1869 — ?) в 1901 г. была опубликована работа, в которой он ратовал о необходимости разработки и утверждения российским правительством формы отчетов, которые содержали бы «общепонятные, точные и полные сведения о положении и деятельности предприятия» и которые «давали бы возможность акционерам, непричастным к управлению, быть в курсе дел предприятия и следить за ходом его» (Евзлин, 1901, с. 9, 10). Иными словами, Евзлин размышлял в русле идей представителей англо-американской учетно-финансовой школы, рассматривавших бухгалтерскую отчетность и как инструмент контроля за деятельностью наемных управленцев, и как средство коммуникации между лицами, имеющими интерес к данному предприятию, но различающимися своими возможностями доступа к внутрифирменной информационной базе. Евзлина по праву можно считать основоположником российской школы балансоведения, а в более широком смысле и основоположником анализа и финансового менеджмента. Идеи Евзлина в дальнейшем получили развитие в трудах А. К. Рощаховского (1863—1934), А. П. Рудановского (1863—1934), Н. А. Блатова (1875—1942) и др. К сожалению, грянувшая в 1917 г. революция и последовавший вскоре процесс абсолютизации роли государства в управлении экономикой привели к свертыванию зарождавшегося направления, связанного с анализом финансовой отчетности и оценкой проектов инвестирования и финансирования в контексте взаимодействия компаний и рынков капитала³. Фактически было предано обструкции и такое направление, как «Высшие финансовые вычисления», плодотворно развивавшееся российскими бухгалтерами (в частности, признанным авторитетом здесь был проф. Н. С. Лунский (1867—1956)) и нацеленное на обучение коммерсантов оценке эффективности финансовых операций (см.: (Лунский, 1912)). На Западе фундаментальные идеи представителей англо-амери-

¹ Эта идея вызревала довольно долго и, как это ни странно, была реализована (как обязательная процедура) уже в советской России: в 1922 г. было издано «Положение о порядке публичной отчетности», согласно которому публиковать отчетность были обязаны все крупные предприятия и значительная часть предприятий средних размеров, акционерные общества и др., а собственно публичность заключалась, во-первых, в опубликовании отчетности в печати и, во-вторых, в предоставлении ее финансовым органам.

² Подобная ситуация представляется довольно парадоксальной, поскольку уже в то время ценные бумаги из России пользовались вниманием инвесторов; так, в последнем десятилетии XIX в. на Берлинской бирже из иностранных бумаг «находилось более всего русских бумаг» (Янжул, 2002, с. 249).

³ Последняя теоретическая работа в рамках балансоведения была опубликована накануне войны ленинградским ученым И. А. Кошкиным (1895—1980); в силу понятных обстоятельств она имела скорее бухгалтерскую, нежели финансово-аналитическую направленность (см.: (Кошкин, 1940)).

канской финансовой школы в этих сегментах знаний и навыков в дальнейшем получают объяснение в рамках неоклассической теории финансов, а их научно-практическое приращение будет развиваться в виде самостоятельных направлений, известных ныне как «Финансовый менеджмент» (синоним: «Корпоративные финансы»), «Финансовый анализ», «Инвестиционный анализ» и др. Внедрение этих идей в российскую науку и практику начнется лишь в последнем десятилетии XX в.

Что касается подхода к анализу, развивавшегося немецкими учеными, то его в России ожидала совсем иная судьба. Хотя идеи представителей англо-американской и немецкой учетно-аналитической и финансовой школ проникли в Россию практически одновременно — в середине двадцатых годов XX в. (см. соответственно (Блисс, 1927; Мак Кинсей, Мич, 1927) и (Никлиш, 1924; Шерр, 1925; Шмальц, 1930)), именно позиция немецких ученых образно говоря «пришла к двору». Возможно, некоторую роль здесь сыграли традиционно крепкие связи российской и немецкой экономических школ¹, однако не это было главным. Основная причина заключалась в следующем: акцент в немецких методиках на контроль и калькулирование и управление себестоимостью продукции в полной мере соответствовал комплексу мер по огосударствлению экономики и централизации управления предприятиями. Поначалу оба подхода к анализу развивались в известном смысле параллельно. Такой ход событий был вполне естественным и оправданным, поскольку никакого сущностного противоречия между американским и немецким подходами к анализу и быть не могло — они всего лишь нацелены на разных исполнителей и пользователей, но ни в коем случае не отвергают друг друга. Именно поэтому в эти годы получили мощное развитие наработки российских ученых в области балансоведения, в которых использовались лучшие достижения всех научных школ (на определенное смещение идей указывает и то обстоятельство, что было заимствовано название, предложенное немцами, но прилагавшееся, по сути, к совокупности аналитических действий, соответствовавших американским методикам коэффициентного анализа и использования данных учета в бизнес-коммуникации). Однако с ликвидацией в России акционерной собственности и бирж сама собой отпала идея трактовки отчетности как средства коммуникации, а потому внимание ученых и практиков сосредоточилось лишь на проблемах анализа как одного из элементов системы контроля за деятельностью предприятий. В середине тридцатых годов балансоведение было фактически упразднено, а научному сообществу и практикам была предложена новая концепция аналитического направления в прикладной экономике, названная ее создателем проф. Н. Р. Вейцманом (1894—1981) *счетным анализом* и определенная им как «совокупность приемов (методов), посредством которых по данным счетоводства изучается имущественное состояние предприятия и его достижения на поприще хозяйственной деятельности» (Вейцман, 1927, с. 26).

В обоснование своей идеи Вейцман приводил следующие аргументы:

- анализ баланса — слишком узкое направление, поскольку основывается лишь на открытых данных, которые в капиталистическом обществе ограничи-

¹ Подробнее об этом аспекте истории русской экономической мысли см.: (Очерки по истории финансовой науки, 2010; Широкоград, 2004).

² Впервые концепция счетного анализа была изложена Вейцманом в его работе, опубликованной в 1924 г. и в дальнейшем многократно переиздававшейся (Вейцман, 1924). Справедливости ради отметим, что появление работ аналитической направленности, в том числе и по анализу баланса (см., например: (Аринускин, 1925; Рудановский, 1925; Николаев, 1926; Маркин-Конкин, 1928; Усачев, 1928)), было не только весьма своевременным, но и объяснимым, поскольку примерно с 1923 г. российские предприятия стали составлять весьма содержательные отчеты, не замыкавшиеся на данных бухгалтерии (Успенский, 1927, с. 1034).

ваются публичной отчетностью; поскольку в социалистическом обществе нет тайн от народа, базу анализа можно и нужно расширить как минимум до всего комплекса учетных записей;

- анализ имеет дело уже с готовой информационной базой, включающей отчетность, поставляемую бухгалтерским учетом, поэтому он представляет собой самостоятельное научно-практическое направление;

- анализ на Западе служит в интересах акционеров, тогда как в СССР он призван удовлетворять интересам государства и общества;

- в отличие от стран капитализма анализ в СССР выполняет две важнейшие функции: во-первых, контрольную и, во-вторых, выявление и характеристику факторов, влияющих на выполнение хозяйственного плана;

- ограничение анализа рамками баланса есть глубоко вредная буржуазная тенденция, неприемлемая для советских аналитиков, поскольку «теоретико-экономический анализ требует прежде всего внимательного изучения предприятия под углом зрения важнейших решений партии по хозяйственным вопросам, являющихся конкретизацией учения Маркса — Ленина — Сталина в вопросах построения социалистического общества» (Вейцман, 1940, с. 8).

Учитывая очевидный политизированный характер аргументов Вейцмана, трудно сделать безапелляционный вывод о том, чего больше в его рассуждениях — конъюнктуры или истовой веры в необходимость абсолютизации анализа, понимаемого как средство контроля за исполнением планов и использованием ресурсов. Безусловно, Вейцман входил в число видных представителей российского бухгалтерского учета тех лет, однако нельзя сбрасывать со счетов его возможное и вполне естественное желание войти в историю в качестве создателя нового научно-практического направления, тем более, если текущий политико-экономический момент давал такую возможность.

Анализ в трактовке Вейцмана потерял свое главное преимущество — акцентированное внимание оценке финансового потенциала предприятия; он стал аморфным, рассыпанным, начетническим. Образно говоря, в одну корзину сложили анализ себестоимости продукции, продаж, труда, запасов, использования основных фондов и др. За частоклоном цифр и огромных псевдоаналитических таблиц, строившихся по примитивному методу «план — факт — отклонение», было невозможно разглядеть хоть какое-то смысловое предназначение аналитических расчетов. Идея открытости и вседоступности информационной базы (естественно, декларативная) привела к бесконтрольному ее наращению — количество отчетных статистических и бухгалтерских форм стало измеряться десятками и сотнями, а число показателей, в них приводившихся, — тысячами¹. К середине тридцатых годов идеи Вейцмана в отношении прикладной аналитики возобладали окончательно и бесповоротно с единственной поправкой: новое

¹ В книге известного советского аналитика С. К. Татура (1897—1974) можно найти весьма показательные примеры: «На Челябинском тракторном заводе до самого последнего момента существовало 658 форм статистической отчетности со 108 тыс. различных показателей, 278 форм бухгалтерских учетных документов, содержащих 15 тыс. показателей; первые же мероприятия, направленные к сокращению отчетности, позволили уменьшить статистическую отчетность на 139 форм, а бухгалтерскую — на 46» (Татур, 1941, с. 30).

² Уничтожение балансоведения проходило поэтапно. Поскольку, образно говоря, за ним стояли весьма известные и авторитетные ученые, его прямое отрицание и замена новой дисциплиной — счетным анализом, пропагандируемой лишь одним, хотя и также уважаемым специалистом, вряд ли имели шансы на успех. Именно поэтому сначала была запущена псевдонаучная риторика, затем в ход пошли политизированные аргументы. Вейцман сделал очень умный ход — он не стал поначалу покушаться на балансоведение, а попросту «сдвинул» его в учет, сведя эту дисциплину, по сути, к проверке правильности заполнения баланса и подготовке его к анализу. Иными словами, аналитическая суть балансоведения была выхолощена, за ним оставались лишь

направление утвердилось на практике и в учебных программах под титулом «анализ хозяйственной деятельности»¹. По сути, начала реализовываться идея подготовки так называемых «чистых» аналитиков, которые хотя и позиционировались как близкие по уровню подготовки к бухгалтерам, но все же в определенном смысле дистанцировались от них и рассматривались как самостоятельный, необходимый для народного хозяйства отряд специалистов (проявлялось это, в частности, и в практике создания в вузах в дополнение к кафедрам бухгалтерского учета самостоятельных кафедр анализа хозяйственной деятельности). Это обстоятельство впоследствии привело к плохо скрываемому антагонизму между бухгалтерами и «чистыми» аналитиками как в научной среде, так и на практике.

Новый импульс в своем развитии анализ хозяйственной деятельности получил уже в послевоенные годы, благодаря усилиям представителей московской школы прикладных аналитиков, основателем которой можно считать проф. С. К. Татура. Анализ стал стремительно онаучиваться (в терминологии Ф. Хайека (Friedrich von Hayek, 1899—1992) — сайнтифицироваться). По мысли его апологетов, поскольку анализ встал на один уровень (как минимум!) с бухгалтерским учетом, он заслуживает своего собственного места в системе наук, а потому нужны активные действия по формированию его теории и созданию самостоятельных кафедр в вузах для разработки этой теории и обучению анализу студентов-экономистов. Усилиями учеников и последователей Татура (прежде всего это профессора М. И. Баканов (1909—2006), С. Б. Барнгольц (1908—2002) и А. Д. Шеремет (род. 1929)) эта идея была довольно быстро реализована, причем не только в плане пополнения вузовских учебных программ специализированными аналитическими дисциплинами, но и на научном уровне: по специальности 08.00.12 «Бухгалтерский учет, контроль и анализ хозяйственной деятельности» стали защищаться диссертации сугубо аналитической направленности. Процесс сайнтификации продолжился и далее: с целью придания большей научной значимости новое направление прикладной аналитики в середине девяностых годов в учебных программах было переименовано в «экономический анализ». Подоплека этой инициативы очевидна: действительно, если

техника составления баланса и примитивная (в известном смысле) счетная проверка правильности составления, тогда как все основывающиеся на балансе характеристики отчетных статей и аналитические построения были отторгнуты в новую дисциплину, причем лишь отдельным и не самым главным ее разделом. Ход рассуждений был таков: поскольку составление баланса не является конечной целью, балансирование есть лишь преддверие к анализу баланса, которое, в свою очередь, входит составной частью в анализ счетный, информационно базирующийся на всем комплексе счетных записей. На самом деле, это был, по сути, приговор балансированию — в представленной трактовке это направление, лишенное какого-либо содержательного наполнения, действительно выглядело бесполезным довеском к бухгалтерскому учету или, как максимум, его рядовым техническим элементом. В известном смысле отрыв аналитики от бухгалтерского учета был ударом и по самому учету — тем самым подчеркивался его абсолютно технический, процедурный и вспомогательный характер. Не случайно, низведение учета до технической процедуры впоследствии довольно быстрыми темпами привело к феминизации учета в СССР и резкому падению престижа бухгалтерской профессии. К сожалению, отголоски подобного критиканского отношения к учету и попытки примитивизации его содержательной и методологической сущности проявляются в некоторых научных кругах до сих пор, а их причины видятся в том, что критиканы, по сути, остались в плену советской трактовки учета. Учет в СССР и учет в постсоветской России принципиально разнятся как по целевому предназначению и содержанию, так и по роли в деловом мире: бизнесмен, не имеющий хотя бы базового представления о современной бухгалтерии, вряд ли может достичь серьезных успехов, ибо *именно бухгалтерский учет учит главному — пониманию того, как функционирует система финансовых потоков в фирме и окружающей ее бизнес-среде.*

¹ Это название впервые появилось в работах А. Я. Усачева и А. Г. Маркина-Конкина в конце двадцатых годов, а замена дисциплины «Анализ баланса» на «Анализ хозяйственной деятельности» была проведена в учебных программах 1932/33 гг.

само понятие «теория анализа хозяйственной деятельности» представляется по меньшей мере сомнительным, если не абсурдным, то говорить о «теории экономического анализа» не только можно, но и необходимо. О том, что новое название относится к весьма специфической области знаний и навыков, не может распространяться на все сферы экономики и никоим образом не корреспондирует с тем, как этот термин понимается за рубежом, особенно не задумывались. В принципе, можно говорить о том, что за годы советской власти в отечественной экономике было сформировано самостоятельное и весьма влиятельное (по числу подготовленных ученых и выпускников вузов) направление в экономической науке — советский экономический анализ. Много ли в нем научного — большой вопрос, поскольку вся суть этого направления свелась к двум моментам: во-первых, к оценке и анализу выполнения плановых заданий по различным показателям и, во-вторых, к факторному анализу с помощью жестко детерминированных моделей, подразумевающему выявление и оценку (естественно, схоластическую) влияния факторов на динамику и выполнение плановых заданий по основным показателям.

Несмотря на то что советская система организации экономики (как науки и практики) канула в Лету, ситуация с (советским) экономическим анализом практически не изменилась — его по-прежнему и в довольно больших объемах преподают не только в техникумах и колледжах, но и в вузах (безусловно, в программы внесены некоторые косметические изменения, но суть их осталась неизменной). В условиях гармонизации российской системы высшего образования с международно признанными стандартами (контекст Болонского процесса) подобное представляется как минимум странным — ситуацию, когда курс «Теория экономического анализа» читается лишь будущим бухгалтерам, с формальной позиции иначе как абсурдом не назовешь. На самом деле ничего странного здесь нет, поскольку то смысловое наполнение, которое в свое время вложили в понятие «теория экономического анализа» представители московской школы «чистых» аналитиков, вряд ли уместно назвать теорией, а потому она в принципе не может интересовать экономистов-теоретиков, т. е. политэкономов, специалистов, занимающихся проблемами макро- и микроэкономики. Заметим также, что в западных университетах курс, подобный (советскому) экономическому анализу, никогда не преподавался, а потому, если дисциплину с таким названием и оставлять в программах российских университетов, то она должна получить абсолютно иное содержательное наполнение и вряд ли ассоциироваться лишь с бухгалтерским учетом.

Резюме

Сформулируем краткие итоги по результатам приведенных рассуждений.

1. Понятие «анализ» широко используется в экономических исследованиях, причем в различных контекстах, а устоявшихся вариантов и трактовок приложений этого понятия даже при наличии всевозможных уточнений нет и, вероятно, быть не может.

2. В советское время экономистами была предпринята успешная попытка обособить в самостоятельное научно-практическое направление так называемый *счетный анализ* (анализ хозяйственной деятельности), позднее переименованный в анализ экономический. Данный анализ представлял собой набор заимствованных из разных дисциплин (главным образом из экономической статистики) методов и процедур, имевших целью расчет всевозможных показателей на уровне предприятия, функционирующего в условиях плановой системы ведения хозяйства. Анализ был включен в учебные программы различного

уровня, включая университетский, а также в систему аттестации научных кадров. Подобная трактовка сути и места анализа в науке и практике была распространена только в СССР, а после его распада по инерции осталась и в современной России.

3. Инициаторами создания специального аналитического направления в российской (советской) экономической науке и практике выступили бухгалтеры, поскольку изначально основой аналитических процедур на уровне предприятия была учетная информационная база. Отпочкование анализа от учета произошло в тридцатые годы XX в. в результате псевдонаучной риторики и активного использования политизированных аргументов. По аналогии с учетом в новом направлении были сформулированы два базовых учебных курса «Анализ хозяйственной деятельности» и «Теория анализа хозяйственной деятельности». В конце XX в., имея целью формальное соответствие начавшимся рыночным реформам, термин «анализ хозяйственной деятельности» был заменен на «экономический анализ» без изменения сути соответствующих дисциплин.

4. На Западе подобная специфическая трактовка понятия «экономический анализ» не применяется, и, соответственно, в университетских бакалаврских и магистерских программах подобная дисциплина не предусмотрена. Учитывая тенденцию российской высшей школы на сближение с основными параметрами общемировой университетской традиции, несложно сделать вывод о том, что в устоявшейся трактовке (советский) экономический анализ не представляет интереса не то что для магистерских, но даже и для бакалаврских программ.

5. Ненужность описываемого блока аналитических дисциплин с их нынешним содержательным наполнением объясняется не только их приземленной спецификой и несоответствием названия содержанию, но и самой идеей, в них заложенной. Дело в том, что существующий курс экономического анализа носит абсолютно начетнический характер и сводится к обучению студентов несложным методикам построения схоластических жестко детерминированных моделей, выявления влияния неких зачастую неподдающихся управлению и плохо интерпретируемых факторов и составления громоздких псевдоаналитических таблиц. Правда, что делать с результатами такого «анализа», обычно не объясняется, т. е. расчеты проводятся ради расчетов. На самом деле проблема заключается в нежелании сторонников (советского) экономического анализа признать абсурдность обособления его в самостоятельное научно-практическое направление.

6. Дело в том, что анализ представляет собой весьма емкое понятие, которое в инструментальном и процедурном планах является неотъемлемой частью других разделов экономики и сфер деятельности ее участников. Именно поэтому анализ обязательно присутствует в учете, финансах, планировании, организации и др. и не может быть искусственно оторгнут от них. Он различается по методикам и применяемому инструментарию в зависимости от объекта или явления, подвергаемого аналитической оценке. А потому создать какую-то единообразную теорию анализа в принципе не возможно. Нужно разделить инструментальную и методическую части анализа. Инструментальные методы изучаются в курсах, не предусматривающих обязательной ориентации на конкретную сферу их приложения, таких как математическая статистика, эконометрика, теория статистики, методы принятия управленческих решений, финансовая математика, финансовые вычисления и др. Что касается методик приложения этих методов, то они должны быть встроены в соответствующие специальные курсы. Например, анализ пропорций и тенденций в экономике в целом и ее отдельных сегментах с применением соответствующих методов представлен в макро- и микроэкономике, методике анализа и калькулирования себестоимости (с приме-

нением тех или иных специальных методов) уместно излагать в курсе управленческого учета, методики оценки инвестиционных проектов — в курсах «Финансовый менеджмент» или «Инвестиционный анализ», методики оценки финансового состояния фирмы — в курсе «Анализ баланса (анализ финансовой отчетности)» и др. Какие методы при этом будут применяться — вопрос пристрастий аналитика. Заметим, что ключевым моментом при этом является четкое обоснование возможности, условий и целесообразности применимости того или иного аналитического метода¹. Может ли существовать дисциплина, посвященная оценке деятельности фирмы (а это и есть аналог упоминавшегося советского экономического анализа)? В принципе, да, но лишь в виде раздела в курсах отраслевых экономик, поскольку наборы и методики аналитических действий, например, в промышленности, сельском хозяйстве и торговле имеют очевидную специфику.

7. В современной рыночной экономике особое значение имеют финансовые ресурсы, а следовательно и методы анализа и управления ими, особенно в контексте деятельности фирм как системообразующих элементов экономики и их взаимодействия как в процессе контрагентских отношений, так и посредством финансовых рынков. Поскольку публичная отчетность является, по сути, единственным приемлемым (по уровню достоверности, информационной, регулярности появления и др.) средством коммуникации, вновь приобретают чрезвычайную значимость знания, связанные с ее пониманием, интерпретацией, чтением, анализом. Отсюда следуют два вывода. Во-первых, по сути дела происходит возврат к идеям российских балансоведов начала XX в. Счетный анализ Вейцмана, в известном смысле начавшийся с анализа баланса, но вскоре отринутый идеи балансоведения и бесформенно разросшийся до «экономического» анализа, полностью исчерпал себя и никоим образом не вписывается в современную трактовку сути и предназначения анализа. Понадобилось долгих 100 лет и смена политических и экономических реалий в России для того, чтобы фактически вернуться к истокам зарождения российской прикладной аналитики, формировавшейся З. П. Евзлиным, А. К. Рошаховским, Н. С. Аринушкиным, Н. А. Блатовым, И. Р. Николаевым, Н. С. Лунским и др. Во-вторых, дисциплина, посвященная интерпретации и анализу публичной отчетности (ее названия могут быть различными, например, «Анализ баланса», однако по сути это современный аналог балансоведения в интерпретации Блатова, Рудановского и др.), становится поистине общеэкономической, а ее включение в учебные программы экономического профиля является одним из необходимых шагов по созданию в стране класса реальных, профессионально подготовленных пользователей финансовой отчетности, каковыми по определению должны быть все лица, имеющие отношение к бизнесу: участники фондовых рынков, финансисты, банкиры, бизнесмены, менеджеры и др. Уместно подчеркнуть, что упомянутая дисциплина ни в коем случае не сводится к бессмысленному расчету каких-то коэффициентов (принцип Шарикова — взять и поделить — недопустим). Суть ее — в объяснении баланса как наилучшей финансовой модели фирмы и его ин-

¹ Акцент должен делаться не на математические выкладки, а на объяснение того, что, во-первых, именно эти метод или модель возможны и адаптируемы к применению в данной области экономической науки или практики и, во-вторых, использование метода позволит получить результаты, обладающие принципиально иным качеством, что, в свою очередь, обусловит приобретение исследователем (аналитиком) нового знания об объекте или явлении. Таким образом, нужно помнить, как минимум, о трех моментах. Во-первых, необходима проверка формальных предпосылок применимости данного метода. Во-вторых, успешность применения метода в какой-то области науки и практики вовсе не гарантирует того же самого в другой области. В-третьих, сложность применяемого метода не может автоматически рассматриваться как гарантия более высокого качества ожидаемого к получению результата.

формационно-коммуникативных возможностей, что в свою очередь предполагает обязательное ознакомление с основами современной бухгалтерии. Подробнее см.: (Ковалев В., Ковалев Вит., 2012).

8. Поступательное движение науки и практики остановить нельзя. В настоящее время мы являемся свидетелями безвозвратного угасания огромного прикладного направления в анализе, созданного в нашей стране в годы советской власти, верой и правдой служившего оправданию концептуальных установок, в которых функционировала централизованно планируемая экономика. Безусловно, это печально, поскольку за прошедшие десятилетия, вероятно, многие миллионы студентов прослушали соответствующие курсы¹, аспиранты защитили диссертации, ученые написали монографии и учебники. Как оказалось, это была тупиковая ветвь. К случившемуся нужно относиться как к неизбежной реальности, не посыпать голову пеплом, а попытаться понять, что из наработок советских «чистых» аналитиков все же может быть использовано, по крайней мере, в курсах отраслевых экономик.

9. И последнее. Обсужденный в статье сюжет касался лишь одной из многих проблем по совершенствованию системы подготовки экономистов. Он может рассматриваться, в частности, и как составная часть проблематики по внедрению двухуровневой системы высшего образования, включая, с одной стороны, разведение дисциплин бакалаврского и магистерского уровней, а с другой — их согласование. Складывавшаяся годами любовь российских авторов и администраторов к формализму и текущей конъюнктуре уже стала причиной того, что на книжном рынке появилась учебная литература с указателями «Для магистров» или «Для бакалавров», хотя зачастую практически невозможно понять, что же магистерского или бакалаврского в том или ином пособии. То же самое касается и содержания типовых учебных планов и рабочих учебных программ, предлагаемых университетами. В частности, несложно привести примеры программ дисциплин магистерского уровня весьма уважаемых университетов, которые нередко представляют собой схоластические наборы тем, снабженных привлекательными, модными названиями, но не имеющими какой-либо очевидной внутренней логики и взаимосвязи с другими темами и дисциплинами, особенно, если эти названия заимствованы из западной научной литературы. Внешний эффект и замысловатые названия заменяют суть и эффективность учебной программы. Можно ли обеспечить преемственность курсов в бакалаврских и магистерских программах, если система контроля текущей успеваемости и промежуточной аттестации по ряду причин работает не столь эффективно, как хотелось бы, студенты не подготовлены к интенсивной самостоятельной работе, а условия приема на магистерские программы допускают возможность комплектования совершенно разнородных по уровню подготовки групп студентов? Как согласовать научный и практический компоненты в программах? Что такое университетское образование вообще? О некоторых из упомянутых проблем см.: (Ковалев, 2011).

¹ В Московском государственном университете, ведущем вузе страны, курс «Анализ хозяйственной деятельности» (ныне «Экономический анализ») читается с 1942 г. (Медведев, Назаров, 2007, с. 384).

² Известный испанский философ-идеалист Х. Ортега-и-Гассет (1883—1955) видел в университетском образовании соединение трех функций: 1) передача культуры, 2) обучение профессиям, 3) научное исследование и подготовка новых ученых (Ортега-и-Гассет, 2010, с. 77). Первые две функции он рассматривал как основные, а потому утверждал: «Под университетом *stricto sensu* (в узком смысле — лат.) следует понимать институт, в котором средний студент учится быть культурным человеком и хорошим профессионалом» (Ортега-и-Гассет, 2010, с. 113). Что касается задачи подготовки новых ученых, то мнение философа было весьма своеобразным: «Преподавание состоит в первую очередь в том, чтобы дать студентам почувствовать потребность в науке, а не учить их науке, в которой они не будут испытывать никакой нужды» (Ортега-и-Гассет, 2010, с. 28, 29).

Источники

- Ариушкин Н. С.* Балансоведение. Курс элементарный. Самара, 1925.
- Бернштейн Л. А.* Анализ финансовой отчетности / пер. с англ.; науч. ред. перевода чл.-корр. РАН И. И. Елисеева. М., 1996.
- Бетге Й.* Балансоведение / пер. с нем. М., 2000.
- Блатов Н. А.* Балансоведение (курс общий). Л., 1930.
- Блосс Дж.* Показатели хозяйственной успешности предприятий / пер. с англ. М., 1927.
- Вейцман Н. Р.* Счетный анализ. Методы исследования деятельности торгового предприятия по данным его бухгалтерии. М., 1924. (5-е изд. — 1929)
- Вейцман Н. Р.* Курс балансоведения. М., 1927. (2-е изд. — 1928).
- Вейцман Н. Р.* Анализ хозяйственной деятельности предприятия по данным учета (Счетный анализ). 6-е изд. доп. М.-Л., 1940.
- Евзлин З. П.* Общепонятный отчет акционерных предприятий и его значение в торгово-промышленной жизни (к вопросу об однообразной форме отчетов для акционерных обществ). СПб., 1901.
- Ключ коммерции или торговли, то есть наука бухгалтерии, изъясняющая содержание книг и производство счетов купеческих. СПб., 1783.
- Ковалев В. В.* Балансоведение и экономический анализ в работах российских ученых // Бухгалтерский учет в Санкт-Петербурге 1703—2003 / под ред. Я. В. Соколова. СПб., 2003. С. 191—312.
- Ковалев В. В.* Университетское экономическое образование: проблема восприятия знания // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2011. Вып. 2. С. 151—167.
- Ковалев В. В.* Проблема понятийной неопределенности в прикладной экономике // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2012. Вып. 1. С. 3—19.
- Ковалев В. В., Ковалев Вит. В.* Корпоративные финансы и учет: понятия, алгоритмы, показатели. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011.
- Ковалев В. В., Ковалев Вит. В.* Анализ баланса, или Как понимать баланс. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2012.
- Кошкин И. А.* Построение бухгалтерского баланса (теория баланса). Л., 1940.
- Лунский Н. С.* Лекции по высшим финансовым вычислениям. М., 1912. Ч. 1.
- Мак Кинсей Дж., Мич С.* Финансовое управление предприятием / пер. с англ. М., 1927.
- Маркин-Конкин А. Г.* Анализ хозяйственной деятельности рабкоопа и райпотребсоюза. Вып. I. Товарный кредит. Харьков, 1928.
- Медведев М. Ю., Назаров Д. В.* История русской бухгалтерии. М., 2007.
- Мондэй К.* Национальность и экономическая наука: Е. Ф. Канкрин в русском общественном сознании // Российская и европейская общественная мысль: опыт Санкт-Петербурга. 2007-2009: Сб. научных трудов / Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук. СПб., 2010. С. 76—118.
- Наставление необходимо-нужное для российских купцов, а более для молодых людей. М., 1788.
- Никлиш Г.* Анализ балансов торговых предприятий // Энциклопедия торгового счетоводства / под ред. Р. Я. Вейцмана. М., 1924.
- Николаев И. Р.* Проблема реальности баланса. Л., 1926.
- Обербринкманн Ф.* Современное понимание бухгалтерского баланса / пер. с нем. М., 2003.
- Ортега-и-Гассет Х.* Миссия университета / пер. с исп. М., 2010.
- Очерки по истории финансовой науки / под ред. В. В. Ковалева. М., 2010.
- Почтенный купец, или бухгалтерия, показывающая, каким образом производить собственной, по комиссиям и товарищеской торг, как в государстве, так и вне оно, водою и сухим путем / пер. с нем. М., 1790.
- Роцаховский А. К.* Балансы акционерных предприятий. СПб, 1910.
- Рудановский А. П.* Анализ баланса. М., 1925.
- Самуэльсон П.* Основания экономического анализа / пер. с англ. под ред. П. А. Ватника. СПб., 2002.
- Татур С. К.* Баланс как орудие управления предприятием. М., 1941.
- Усачев А. Я.* Экономический анализ баланса. М., 1928.
- Успенский Н. Х.* лет советской счетной литературы (Краткий обзор) // Счетоводство. 1927. № 11. С. 1028—1038.
- Шарп У. Ф., Александер Г. Дж., Бэйли Дж.* Инвестиции / пер. с англ. М., 1997.
- Шеремет А. Д.* Теория экономического анализа. М., 2002.
- Шерр И. Ф.* Бухгалтерия и баланс / пер. с нем. С. И. Цедербаума. М., 1925.
- Широкорад Л. Д.* Влияние немецкой экономической науки на формирование политической экономики в России в XVIII — первой половине XIX в. // Вест. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2004. Вып. 3.

- Шмальц К.* Оперативный анализ предприятия / пер. с нем. М., 1930.
- Шумпетер Й. А.* История экономического анализа: в 3 т. / пер. с англ. под ред. В. С. Автономова. СПб., 2001.
- Янжул И. И.* Основные начала финансовой науки. 4-е изд., изм. и доп. СПб., 1904 (переиздание 2002 г.).
- Bowlin O. D., Martin J. D., Scott D. F.* Guide to Financial Analysis. 2nd ed. McGraw Hill, Inc., 1990.
- Foulke R. A.* Practical Financial Statement Analysis, 5-th ed. McGraw-Hill Book Company, 1961.
- Harrington D. R., Wilson B. D.* Corporate Financial Analysis, 3rd ed. Richard D. Irwin, Inc., 1989.
- Rees B.* Financial Analysis. Prentice Hall, 1990.
- Rima I. H.* Development of Economic Analysis. 5th ed. Richard D. Irwin, Inc., 1991.
- White G. I., Sondhi A. C., Fried D.* The Analysis and Use of Financial Statements. John Wiley & Sons, Inc., 1994.